

Кантерев Н. Ф. Господство греков в Иерусалимском патриархате с первой половины XVII до половины XVIII века // Богословский вестник 1897. Т. 2. № 5. С. 198–215 (3-я пагин.). (Начало.)

Господство грековъ въ іерусалимскомъ патриархатѣ съ первой половины XVI до половины XVIII вѣка¹⁾.

До 1517 года Палестиной владѣли египетскіе султаны, при которыхъ изъ всѣхъ христіанъ господствующее и преобладающее положеніе въ Іерусалимѣ принадлежало туземнымъ православнымъ сиро-арабамъ. Египетскіе правители подозрительно смотрѣли и на греческихъ императоровъ и, послѣ паденія Константинополя, на турокъ, и потому не допускали, чтобы греки имперіи имѣли какое-либо значеніе въ Іерусалимѣ. Изъ политическихъ видовъ они покровительствовали туземнымъ православнымъ арабамъ, изъ которыхъ избирались патриархи, архіереи и члены святогробскаго братства.

Рядомъ съ арабами въ Іерусалимѣ стояла тогда другая православная національность—грузины, которые тоже пользовались покровительствомъ египетскихъ султановъ, имѣли въ Іерусалимѣ нѣсколько богатыхъ монастырей, имъ же принадлежала Голгова и нѣкоторыя другія св. мѣста. Правители Грузіи оказывали тогда большую помощь св. мѣстамъ.

Встрѣчается въ Іерусалимѣ и третья православная народность, именно сербы, которые владѣли лаврою св. Саввы Освященнаго и монастыремъ Архангельскимъ въ Іерусалимѣ и пользовались нѣкоторою церковною автономіей.

¹⁾ Настоящій очеркъ составленъ исключительно по сочиненію іерусалимскаго патриарха Досиея—Исторія патриарховъ іерусалимскихъ, которое, въ рукописномъ русскомъ переводѣ, находится въ нашей академической библіотекѣ. Оно раздѣляется на книги, главы и параграфы: для настоящаго очерка имѣли значеніе только двѣ послѣднія книги—XI и XII.

Всего менѣе значенія, къ началу XVI вѣка, имѣли въ Иерусалимѣ греки, къ которымъ сильно не благоволили египетскіе султаны, такъ что греки почти вовсе не ходили даже на поклоненіе св. мѣстамъ, хотя греческіе императоры, до самаго паденія Константинополя, продолжали оказывать поддержку и покровительство православнымъ въ Иерусалимѣ. Въ самомъ Иерусалимѣ грековъ въ то время, вѣроятно, было очень мало, такъ какъ къ нимъ не только подозрительно относились египетскіе правители, но ихъ не любили и сами православные, жившіе въ Иерусалимѣ. По словамъ Иерусалимскаго патріарха Досифея, послѣ паденія Константинополя „грековъ стали презирать въ Иерусалимѣ“. И не только туземцы арабы, но и вліятельные въ Иерусалимѣ грузины, замѣчаетъ Досифей, „не любили патріарховъ греческихъ и превозносились надъ ними“. Точно такъ же и сербы не хотѣли подчиняться патріархамъ грекамъ и вступили потомъ съ ними въ открытую борьбу. Причину этого нерасположенія православныхъ народностей къ грекамъ, Досифей видитъ не только въ томъ, „что греки, какъ говоритъ Еврипидъ, не могутъ и не должны быть въ близкихъ дружественныхъ сношеніяхъ съ варварами, но и потому, что патріархи жили въ бѣдности, ибо Палестина находилась подъ властію египетскаго султана, а греки большею частію подъ властію отомановъ и уже не могли ходить на поклоненіе“ ¹⁾.

Съ первой половины XVI вѣка, положеніе дѣлъ въ Иерусалимѣ въ этомъ отношеніи совершенно измѣнилось. Въ 1517 году турки отняли у сарацянъ Палестину, которая сдѣлалась теперь турецкою провинціей. И какъ ранѣе египетскіе султаны подозрительно относились къ грекамъ, такъ теперь турецкіе султаны подозрительно стали относиться къ покоренному арабскому населенію Палестины, и потому въ Иерусалимѣ оказывали покровительство и поддержку не православнымъ арабамъ, а грекамъ; они желали видѣть на іерусалимскомъ патріаршемъ престолѣ не туземныхъ арабовъ, а выходцевъ изъ грековъ имперіи. Этими обстоятельствами какъ нельзя болѣе умѣло и удачно воспользовались греки, чтобы сдѣлаться единственными х-зяевами и распорядителями всѣхъ св. мѣстъ въ Палестинѣ, находившихся доселѣ

¹⁾ Кн. XI, гл. VII, Пар. 2.

или въ рукахъ арабовъ, или въ рукахъ другихъ православныхъ народностей, или въ рукахъ христіанскихъ иновѣрцевъ.

Для достиженія своей цѣли, греки прежде всего постарались захватить и навсегда удержать въ своихъ рукахъ патріаршую власть въ Іерусалимѣ. Рассказываютъ, что будто бы первый іерусалимскій патріархъ изъ грековъ—Германъ былъ избранъ туземнымъ синодомъ и клиромъ въ патріархи только потому, что его ошибочно принимали за туземца араба. Сдѣлавшись патріархомъ, Германъ постарался въ свое долготѣнее патріаршество (1534—1579 г.) поставить на архіерейскія каѳедры грековъ, такъ что будто бы уже при немъ всѣ іерархи туземцы вымерли и ихъ мѣста заняли исключительно греки, изъ которыхъ такимъ образомъ и составился патріаршій синодъ. Опираясь на этотъ греческій синодъ, Германъ еще при жизни своей предпринялъ мѣры, чтобы послѣ него патріаршая власть обязательно перешла въ руки имъ самимъ предназначеннаго грека. Съ этою цѣлю онъ привезъ изъ Константинополя въ Іерусалимъ своего родственника Софронія, которому при своей жизни и передалъ патріаршую каѳедру. Софроній, съ своей стороны, также еще при своей жизни, предназначилъ себя въ преемники своего родственника Теофана, который послѣ его смерти дѣйствительно и сдѣлался іерусалимскимъ патріархомъ. Точно также и святогробское братство постепенно стало заполняться греками, которые съ теченіемъ времени окончательно вытѣснили и оттуда туземцевъ арабовъ.

По смерти Теофана совершилась новая и очень существенная перемѣна въ избраніи и поставленіи іерусалимскихъ патріарховъ, именно: Софроній (1579—1607 г.) и Теофанъ (1608—1644 г.) избирались и поставлялись въ патріархи въ самомъ Іерусалимѣ, гдѣ все-таки еще туземный клиръ и паства представляли изъ себя вліятельную силу, съ которою по необходимости приходилось считаться патріархамъ грекамъ. Теперь же рѣшено было окончательно устранить іерусалимскихъ туземцевъ отъ какого бы то ни-было участія въ выборѣ и поставленіи своего патріарха, вслѣдствіе чего, со времени Паисія, (1656—1661 г.) выборы и поставленіе іерусалимскихъ патріарховъ происходятъ уже не въ Іерусалимѣ, а въ Константинополѣ или Молдовлахіи, при участіи константинопольскаго патріарха, разныхъ греческихъ

іерарховъ, молдовлахійскихъ воеводъ и знатныхъ константинопольскихъ грековъ,—въ Іерусалимъ же только сообщалось о совершившемся фактѣ избранія и поставленіи такогото въ патриархи. Такъ именно произошло избраніе Пансіа, который былъ избранъ и поставленъ въ патриархи въ Яссахъ, при участіи константинопольскаго патриарха и синода и, главнымъ образомъ, по настоянію воеводы Василия.

Туземное православное арабское населеніе Іерусалима не осталось простымъ спокойнымъ зрителемъ совершавшихся перемѣнъ въ патриархіи, но пыталось выразить свой протестъ противъ новаго порядка дѣлъ еще съ самаго начала его возникновенія.

Когда патриархъ Германъ отказался отъ патриаршества и ранѣе предназначенный имъ Софроній былъ избранъ на его мѣсто, то, по разсказу Досиея, „христиане іерусалимскіе и большіе и меньшіе“ торжественно заявили при этомъ, что они согласны на состоявшійся выборъ новаго патриарха а къ старому не имѣютъ никакихъ претензій, „не имѣютъ на патриарха никакой жалобы, никакого доноса, ни просьбы, ни дѣлъ относящихся до св. Гроба или до священнаго служенія, ни касательно золота, ни серебра и ничего другаго подобнаго сему“. Далѣе, въ опредѣленіи объ оставленіи каведры Германомъ говорится. „если же по собственной волѣ (іерусалимскіе христиане) воспротивятся ему (патриарху Герману), обвинять или оскорблять его, и если священникъ Назарласъ, сынъ Кандиланта, и братъ его Хазиль, и Іакушъ сынъ Зарувовъ, и Михаилъ сынъ Самбановъ, и братъ Рискалы, и Иса Аврамить, сынъ Солимана, Іоаннъ сынъ Лутанфовъ и прочіе если воспротивятся ему, обвинять или оскорблять его, по опредѣленію суда должны будутъ внести въ храмъ 50 венеціанскихъ флориновъ“¹⁾. Досиеей не говоритъ, откуда происходила вражда перечисленныхъ имъ лицъ къ патриарху Герману, и кто они были по своему общественному положенію, и почему именно отъ нихъ можно было ожидать оставлявшему свой престолъ Герману и обвиненій и оскорбленій, огъ которыхъ требовалось оградить его формальнымъ актомъ. Не трудно однако видѣть, что указанные лица были не греки, а туземцы сиро-арабы,

¹⁾ Ibid. пар. 4.

принадлежавшіе или къ святогробскому братству или къ туземскому клиру, и что ихъ противленіе Герману относилось не къ факту его удаленія съ кафедръ, а къ факту ея замѣщенія избранникомъ Германа—пришлецомъ Софроніемъ. Это соображеніе какъ нельзя болѣе подтверждается слѣдующимъ разсказомъ Досноса о патріархѣ Паисіѣ. „Принявъ патріаршескій санъ (въ Яссахъ), Паисій съ царскимъ чиновникомъ отправился чрезъ Константинополь въ Иерусалимъ сухимъ путемъ. Синодъ и отцы приняли его какъ своего и какъ законнаго патріарха. Но клирики не хотѣли принять его по той причинѣ, что когда Иерусалимомъ владѣли правители египетскіе, то въ патріархи избираемы были не греки, а арабы. Въ то время и туземцы начали имѣть большую силу въ управленіи дѣлами церковными, потому что арабы вели себя крайне низко, и своимъ всегда чрезъ мѣру благопріятствовали, и поэтому то патріархи изъ арабовъ безразлично начали раздѣлять власть съ единоплеменниками своими и туземцами. А послѣ и патріархи изъ грековъ, имѣя непріятности съ языческими народами, оставляли во власти арабовъ то, что дано имъ было временемъ, такъ что всѣми доходами патріаршескаго престола преимущественно завѣдывали туземные арабы, и они же главнымъ образомъ распоряжались и необходимымъ для содержанія, имѣя, впрочемъ, въ виду только свою пользу. А такъ какъ Теофанъ ограничилъ нѣскольکو прежнюю дерзость туземцевъ, то вотъ они, когда прибылъ новооставленный патріархъ Паисій, сговорившись, вышли вонъ изъ святаго града и наметали кучу камней, дѣлая все это съ тою цѣлію, чтобы показать противленіе патріарху. Но Паисій, какъ сказано выше, былъ человѣкъ твердаго духу. Онъ тайно переговорилъ съ судьями, далъ имъ нѣсколько денегъ съ тѣмъ, чтобы они не оказывали благоволенія къ тому изъ туземцевъ, кто дерзнулъ бы отказывать въ почтеніи къ нему. Потомъ постановилъ правила для туземцевъ и такъ ихъ преобразовалъ, что они совершенно вразумились. Дознынѣ, замѣчаетъ Досноса, туземцы живутъ благочинно и миролюбиво, благоговѣйны и имѣютъ страхъ Божій. Это первое добро, которое Паисію сдѣлалъ въ Иерусалимѣ, выдающейся важности“¹⁾.

1) Кн. XII, гл. II, пар. 1.

Такимъ образомъ, патріарху Паисію, избранному и поставленному безъ всякаго участія туземцевъ и внѣ Іерусалима, пришлось выдержать рѣшительную борьбу съ туземнымъ народонаселеніемъ Іерусалима, съ которымъ уже боролся и его предшественникъ Теофанъ. Но такъ какъ на сторонѣ патріарховъ грековъ было и само турецкое правительство и мѣстные мусульманскія власти, то сопротивление православныхъ сирѣ арабовъ чуждымъ имъ патріархамъ грекамъ было легко подавлено, какъ это показываютъ слѣдующія обстоятельства.

По смерти Паисія выборы новаго іерусалимскаго патріарха произошли опять не въ Іерусалимѣ, а въ Константинополѣ, причемъ главными дѣятелями въ этомъ были: молдавскій воевода Василій, константинопольскій патріархъ Пароеній съ своимъ синодомъ, переводчикъ при портѣ Панагіотъ, вельможи константинопольскіе и старцы. Правда, избравшіе, имѣя вѣроятно въ виду прежнія несогласія патріарховъ съ своею туземною паствою, рѣшились выбрать въ патріархи не чужака, а происходящаго изъ области іерусалимской. Досносею объ этомъ рассказываетъ: „воевода Василій (бывшій въ то время въ Константинополѣ) съ патріархомъ Пароеніемъ и переводчикомъ Панагіотомъ, съ синодомъ, съ вельможами и съ старцами константинопольскими, съ архіереями, какіе тогда были тамъ, и съ прочими уважаемыми отцами св. Гроба, начали разсуждать о томъ, чтобы избрать въ патріарха іерусалимскаго человека рачительнаго и опытнаго въ дѣлахъ гражданскихъ, потому что патріархи іерусалимскіе путешествуютъ по многимъ мѣстамъ, посѣщаютъ города и народы, царства и области, и многіе ихъ спрашиваютъ о различныхъ предметахъ вѣры, а посему имъ должно быть опытными въ Писаніи, чтобы давать отвѣты вопрошающимъ, а также проповѣдниками слова Божія. Сверхъ того, что совершенно и необходимо, родомъ они должны быть изъ области іерусалимской, такъ какъ тамъ доселѣ сохраняется ненарушимо все каноническое и церковное право, и содержится древній чинъ и обычаи православной церкви какъ нѣкій неизмѣняемый образъ. При сихъ разсужденіяхъ Гавріиль филиппопольскій предложилъ, что синаитянинъ Нектарій и мудрый человекъ и родомъ изъ области іерусалимской,

такъ какъ Синай считается въ числѣ епископствъ іерусалимскихъ. Услышавъ сіе предложеніе, всеѣ воскликнули: Нектарій одинъ достоинъ сей чести“¹⁾! Такъ совершилось избраніе Нектарія синаитянина въ патріархи іерусалимскіе (1661—1669 г.).

Нектарій однако, какъ и предшествующіе патріархи, не успѣлъ поладить съ іерусалимлянами и потому чрезъ семь лѣтъ патріаршества, рассказываетъ Доснеей, чувствуя себя постоянно больнымъ „и вмѣстѣ приводя себѣ на память недовольныхъ своимъ состояніемъ и самолюбивыхъ монаховъ, рѣшился просить увольненія отъ управленія паствою“. Эту свою мысль Нектарій прежде всего сообщилъ именно Доснеею, который былъ при немъ сначала архидіакономъ, а потомъ былъ рукоположенъ имъ въ митрополиты Кесаріи Палестинской и всегда пользовался его особымъ довѣріемъ. Доснеей рѣшился воспользоваться мыслью Нектарія объ отставкѣ въ видахъ прекращенія нестроений въ іерусалимской церкви, происходившихъ отъ того, что въ іерусалимскіе патріархи стали избирать чужаковъ и что самыя выборы ихъ и поставленіе происходили вдали отъ Іерусалима безъ всякаго участія со стороны туземныхъ жителей. Онъ сталъ настаивать предъ Нектаріемъ, „чтобы будущій патріархъ іерусалимскій былъ избранъ надлежащимъ образомъ“, и прежде всего онъ долженъ быть не чужакомъ, а природнымъ іерусалимляниномъ „Если будетъ, говорилъ Доснеей Нектарію, патріархомъ іерусалимскимъ человѣкъ чужой и изъ иной страны, который, не имѣя способностей управлять братьями, захочетъ только показывать надъ ними власть свою, то вмѣсто пользы онъ сдѣлаетъ больше вреда имъ и престолу. А особенно того опасаться надобно, что нѣкоторые изъ таковыхъ имѣютъ обыкновеніе рукополагать за деньги, берутъ флорины съ священниковъ, насильственно требуютъ денегъ съ христіанъ и преступаютъ церковныя законы, (чего доселѣ на іерусалимскомъ престолѣ, по благодати Христовой, не было) и такимъ образомъ правосудія не можетъ быть по многимъ причинамъ. Прибавимъ еще къ тому, что если здѣсь послѣдуетъ отреченіе твое отъ престола, то константинопольскій патріархъ,

¹⁾ Ibid. — гл. III, пар. 1.

съ имѣющаго поступить на престоль іерусалимскій, непременно будетъ требовать денегъ. И если оны дасть, то введется дурное обыкновеніе, а если не дасть, то произойдетъ такой же соблазидъ, какъ при Паисіѣ и Голіаѣѣ (Парөөніѣ) ¹⁾. А что всего важнѣе и хуже, если ты одинъ рѣшился сдѣлать столь важное дѣло, то поступокъ этотъ можетъ показаться неприятнымъ и оскорбительнымъ для отцевъ іерусалимскихъ, и можно опасаться, чтобы не произошло разногласія, и неразстроились вмѣстѣ все дѣла св. Гроба. Изъ всего же сказаннаго мною я вывожу одну истину—написать къ старцамъ и настоятелямъ пустынь и монастырей, чтобы они собрались въ Іерусалимъ; туда же отправиться и вашему блаженству и тамъ, предъ святымъ Евангеліемъ, предложить дѣло и взять со всеѣхъ присягу водиться не страстями, а одною справедливостію, и кто будетъ избранъ, тотъ и да будетъ патріархъ. Такъ сдѣлать и безопасно и похвально и, кажется, сообразно съ намѣреніемъ Божиимъ. Избранному будетъ покровительствовать и Богъ“.

Но, сознается Досіоей, „слова мои нисколько не подѣй-

¹⁾ Объ этомъ „соблазидѣ“ при Паисіѣ, патріархѣ іерусалимскомъ, и Парөөніѣ Младшемъ, патріархѣ константинопольскомъ, Досіоей разсказываетъ: „Когда Паисій іерусалимскій при Парөөніи Младшемъ былъ рукоположенъ въ Ясахъ и пришелъ въ Византію, чтобы оттуда отправиться въ Іерусалимъ, Парөөній требовалъ отъ него денегъ, какъ предшественникъ его отъ александрійскаго. Но Паисій, ясно увидѣвши въ немъ симонію, не далъ ему ни обода. Послѣ сего, когда Паисій изъ святаго града Іерусалима отправился въ Москву для милостыни, Парөөній чрезъ письмо клеветалъ на него славному самодержцу Алексію Михайловичу; по лукавству Парөөнія не имѣло никакихъ послѣдствій. Но какъ скоро Паисій, возвращаясь изъ Москвы въ Іерусалимъ, прибылъ въ Византію, Парөөній обвинялъ его какъ злоумышленника противъ правительства предъ дьякономъ Капиджи-паши, визиря султана Ібрагима. Визирь, призвавъ къ себѣ Паисія, допросилъ его и увѣрившись, что оны человекъ справедливый, отпустилъ его съ миромъ, только взялъ съ него четыре тысячи флориновъ. Но когда Паисій оны отправился изъ Святаго града въ Валахо-Молдавію, патріархъ Парөөній снова началъ преслѣдовать его, и кромѣ правительственной Порты клеветалъ на него правителю Молдавіи Василію и Матвѣю, правителю Валахіи. Чтожь потомъ случилось? Правители съ помощію друзей и денегъ обвинили Парөөнія предъ Портою и удушили. Тѣмъ и кончились бѣдствія, постигшія святую Христову церковь, и тиранскіе насильственные поступки“. (Ки. XI, гл. 10, пар. 10).

ствоваали“, Пектарій поступии не по совѣту Досифея, а по своему. При содѣйствіи молдавскаго воеводы Дуки Пектаріи выхлопоталъ султанскій фирманъ, которымъ разрѣшалось избрать іерусалимскаго патріарха въ Константинополь и именно того, кого пожелаетъ самъ Пектарій. Согласно съ фирманомъ выборы произошли въ Константинополь и выборъ палъ на самаго Досисея, который 3 января 1669 года и былъ поставленъ въ Константинополь патріархомъ іерусалимскимъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, Досисей не только не успѣлъ въ томъ, чтобы будущій послѣ Пектаріи патріархъ іерусалимскій „былъ избранъ надлежащимъ образомъ“, но и самъ попалъ въ патріархи благодаря только выбору Пектарія, совершившемуся въ Константинополь, безъ всякаго участія іерусалимлянъ. Но этого мало. Досисей, такъ горячо было хлопотавшій о правильномъ выборѣ іерусалимскихъ патріарховъ, еще при жизни своей однако предназначилъ себѣ въ преемники своего племянника Хрисанеа и предпринялъ мѣры, чтобы послѣ его смерти именно Хрисанеа былъ избранъ на его мѣсто. Гдѣ и какъ совершилось избраніе Хрисанеа въ патріархи, объ этомъ онъ самъ говоритъ въ своей грамотѣ къ государю Петру I: „а по скончаніи его (Досисея), понеже неналежало, чтобъ былъ апостольскій престоль безъ правителя, учинивъ приговоръ правильный за предѣдательствомъ всесвятѣйшаго, почтеннѣйшаго вселенскаго патріарха и священнаго и святаго собора при немъ, и въ то время прелучившихся монаховъ и братіи всесвятаго Гроба и всему причту, общею мыслию, а наипаче по повелѣнію онаго во блаженномъ успеніи, судьбами, ими же вѣсть всѣхъ Богъ, возведенъ я на апостольскій и святѣйшій патріаршескій престоль святаго града, въ которомъ возведеніи, дабы неслѣдовала какой соблазнъ и возмущеніе, а потомъ убытокъ всесвятаго Гроба,—высочайшій и христілюбивый госнодарь мунтяпскій вѣрнѣйшій, усерднѣйшій и истиннѣйшій рабъ святыя вашея державы, такъ что если бы не было помощи высочества его, учинило бы великое возмущеніе и было бы убытку втрое или вчетверо противъ того, что стало, зане и до отшествія отъ сего свѣта онаго блаженнѣйшаго пре-

¹⁾ Кн. XII, гл. III, пар. 6, тл IV пар. 1.

великаго патріарха (т. е. Досноеа), писалъ высочество его всесвятѣйшему и достопочтенному вселонскому патріарху и къ другимъ лицамъ, которыя имѣють мочь у здѣшней Порты, дабы по представленіи блаженнаго дяди моего, иной да невозводитца на патріаршескую сію власть, кромѣ кесарійскаго (т. е. Хрисанеа). Повелѣлъ также и здѣшнимъ господамъ своимъ, чтобъ предстательствовали о семъ дѣлѣ прилежно, чтобы получило полезное окончаніе, какъ и учинилось Божією милостію; но когда учинилось возведеніе и воспріялъ онъ о томъ вѣдомость, наки со усердіемъ великимъ представилъ меня чрезъ писанія свои ко всякой персонѣ, гдѣ надлежало, и такимъ способомъ мирно окончилось сіе дѣло ¹⁾“. Съ своей стороны и Хрисанеъ еще при жизни своей назначалъ своимъ преемникомъ своего намѣстника въ Іерусалимѣ Мелетія, котораго вызвалъ къ себѣ въ Константинополь „и здѣсь, рассказываетъ о своемъ избраніи самъ Мелетій, призвалъ всѣхъ присутствующихъ и патріарха (разумеется константинопольскаго) и архіересвъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, сообщилъ избраніе и общее нареченіе о преемствѣ нашемъ и, еще живъ будучи, насъ возвелъ на апостольскій свой престоль тихо и номятежно, милостію всесвятаго Бога и премудрѣйшимъ предвѣдѣніемъ блаженныя оныя души “²⁾).

Такъ съ 1534 года, т. е. со вступленіемъ на іерусалимскій патріаршій престоль Германа, патріаршее достоинство въ Іерусалимѣ дѣлается исключительно достоиніемъ грековъ и притомъ не туземныхъ іерусалимскихъ, а пришлыхъ. Чтобы удержать патріаршую власть въ рукахъ пришлыхъ грековъ, іерусалимскіе патріархи въ большинствѣ случаевъ еще при жизни своей сами выбирали себѣ своихъ преемниковъ и предпринимали мѣры, на случай своей смерти, чтобы патріаршій престоль доставался предназначенному ими рапѣ лицу. Софроній и Ософанъ были поставлены въ Іерусалимѣ, но потомъ это было найдено неудобнымъ, выборы и поставленіе іерусалимскихъ патріарховъ стали происходить въ Константинополь, а иногда въ Молдавіи при участіи константинопольскаго патріарха и синода, молдавлахійскихъ

¹⁾ Греч. дѣла 1707 г. (св. 86) № 1.

²⁾ Греческія грамоты, порт. 10, 1731 г.

воеводъ, греческихъ архіереевъ и знатныхъ константинопольскихъ грековъ. Туземное православное пародонаселеніе Іерусалима, туземный клиръ и настоятели и старцы палестинскихъ монастырей, уже не принимали болѣе никакого участія въ выборѣ и поставленіи своихъ патріарховъ, они окончательно уступили свое мѣсто пришлымъ грекамъ, которые, занявъ всѣ мѣста, ранѣе принадлежавшіе арабамъ, сдѣлались вмѣсто нихъ господствующою православною народностію въ Іерусалимѣ.

Вслѣдъ за туземцами сиро-арабами потеряли свое значеніе и другіе ранѣе вліятельные въ Іерусалимѣ и пользовавшіеся извѣстною самостоятельностью православные народности. Грузины, лишившись покровительства египетскихъ султановъ и обезсиленные у себя дома, почти совсѣмъ оставили Іерусалимъ и ихъ прежнія владѣнія перешли къ грекамъ. Тоже случилось и съ сербами, хотя они и пытались отстоять свое прежнее независимое положеніе въ Іерусалимѣ и при патріархахъ грекахъ. Любопытное свидѣтельство объ этомъ мы находимъ у Досиея, который рассказываетъ слѣдующее: „неизвѣстно почему и когда сербскіе монахи, подлежащіе вѣдѣнію архіепископа некійскаго, поселились въ іерусалимскомъ архангельскомъ монастырѣ и овладѣли имъ. Пѣкоторые же, вѣроятно избѣгая податей, которыя должны были платить, поселились въ лаврѣ св. Саввы и сдѣлались виновниками двухъ золъ. Вопервыхъ, какъ нверскіе монахи, такъ и они не хотѣли быть въ согласіи съ патріархомъ и произвели раздоръ, а именно: подати стали давать отдѣльно сами за себя, требовали себѣ опредѣленнаго мѣста при святыхъ мѣстахъ, ихъ игуменъ ходилъ къ патріарху съ посохомъ, и, наконецъ, пошли къ константинопольскому и къ прочимъ патріархамъ съ жалобою, будто патріархъ іерусалимскій ихъ обижасть. Получаютъ грамоты и приглашаютъ потомъ въ Іерусалимъ для произведенія суда и патріарховъ александрійскаго и антиохійскаго, и патріархи опредѣляютъ—быть тѣмъ монахамъ свободными и неподчиненными патріарху іерусалимскому. Такимъ образомъ, сии патріархи, по мзѣ-ли или по неразумительности, а все къ стыду своему, лишили патріарха іерусалимскаго власти въ монастыряхъ, находящихся не только въ его епархіи, но и въ самомъ престольномъ его городѣ, поступивъ рѣ-

нительно противъ правилъ соборныхъ и противъ вѣры. И пусть бы хотя жизнь св. Саввы умѣли прочесть монахи сербскіе и такъ гордились бы! Во вторыхъ, когда приходили поклонники, то монахи архангельскіе и св. Саввы встрѣчали ихъ и принимали въ свой монастырь, а патріархъ былъ, такимъ образомъ, забываемъ ¹⁾«. Эта попытка сербовъ создать себѣ относительно независимое положеніе въ Іерусалимѣ при патріархахъ грекахъ кончилась въ концѣ тѣмъ, что сербы бросили свои палестинскіе монастыри, которые и перешли затѣмъ въ руки грековъ.

Такимъ образомъ, греки съ теченіемъ времени вполне достигли своей цѣли: патріаршая власть изъ рукъ туземцевъ перешла къ нимъ и туземцы окончательно были устранены отъ участія въ выборѣ патріарха, іераршія кафедръ тоже сдѣлались ихъ достояніемъ, изъ нихъ же состояло и вліятельное святогробское братство; всѣ другія православныя національности въ Іерусалимѣ потеряли всякое значеніе и должны были или удалиться изъ Палестины или безусловно подчиниться грекамъ, признавъ ихъ первенство и главенство надъ собою въ Іерусалимѣ, вслѣдствіе чего нелюбимые и презираемые ранѣе въ Іерусалимѣ греки, со времени владычества здѣсь турокъ, дѣлаются въ Іерусалимѣ первою и господствующею православною націею, единственными представителями и поборниками православія, полными хозяевами, хранителями и защитниками всѣхъ святыхъ мѣстъ.

Посмотримъ теперь, какъ греки выполняли эту свою высокую и очень отвѣтственную обязанность предъ православнымъ міромъ, которую они приняли на себя добровольно, сознательно устранивъ отъ нея всѣ другія православныя національности.

Отъ прежнихъ главныхъ хозяевъ іерусалимской патріархіи—арабовъ, греки получили наслѣдство въ матеріальномъ отношеніи очень разстроенное. Досречей говорить, что при предшественникахъ Германа въ Палестинѣ „монастыри, церковь св. Гроба и церковь Внолсемская, въ нѣкоторыхъ частяхъ развалившіяся и угрожавшія паденіемъ, не были поновляемы. Патріархи не имѣли ни священныхъ сосудовъ, ни ризъ, а служили въ деревянныхъ сосудахъ и съ желѣзными трикиріями.

¹⁾ Кн. XII, гл. 1 нар. 9.

Патріархи жили по примѣру апостола, дѣлая своими руками, не получая ни милостыни, ни дохода, отъ того все общество христіанъ пришло въ бѣдность, а извѣстно всѣмъ, какія бываютъ слѣдствія бѣдности“¹⁾. Греки патріархи рѣшили поправить матеріальное положеніе патріархіи и, начиная уже съ Германа, энергично и настойчиво принялись за возобновленіе и возстановленіе всевозможныхъ построекъ въ святыхъ мѣстахъ, не жалѣя личныхъ трудовъ и усилий, видя въ этомъ первую и священную обязанность своего служенія всему православію. Каждый изъ патріарховъ постарался что нибудь сдѣлать для обновленія и благоуукрашенія св. мѣстъ и самой патріархіи: Германъ возобновляетъ разрушенную было сѣнь надъ кувуклемъ, заботится о поправкѣ храмовъ Воскресенія и Виолеемскаго, пострадавшихъ отъ землетрясенія; Софроній возобновилъ храмъ св. Константина, находившійся внутри патріаршаго дома, началъ готовить для храма св. Гроба иконостасъ, который былъ оконченъ Теофаномъ, въ великой Виолеемской церкви, съ двухъ сторонъ св. Пещеры, построилъ четыре свода, ибо великая церковь клопалась къ паденію, и, сдѣлавши эти своды, онъ поддержалъ ее. Паисій строить въ Юніи страннопримныя дома для богомольцевъ, строить ограду при храмѣ и монастырѣ пророка Іліи, находящемся между Іерусалимомъ и Виолеемомъ; Нектарій заботится о благоустройствѣ патріаршаго дома, келліи котораго пришли въ ветхость, выстроилъ вновь келліи и обитель въ Ремпли. Про него же Досифей рассказываетъ: „Нектарій замѣтилъ, что св. мощи находятся въ небреженіи и святой престоль въ неподобающей ему чести, а также узналъ, что отцы государямъ и другимъ лицамъ посылаютъ въ царь св. мощи. Тогда онъ, въ то время какъ былъ въ Гіасіѣ (Яссахъ), послалъ въ Польшу съ порученіемъ устроить различные ковчеги хрустальные и просто стеклянные, и, привезши ихъ съ собою въ Іерусалимъ, вложилъ въ нихъ всѣ, какія находятся тамъ извѣстныя и канонизованныя св. мощи; обложилъ сіи ковчеги серебряными окладами, и при каждомъ изъ нихъ приложилъ хартію, показывающую, какого святого тутъ мощи. Также устроилъ онъ деревянные раки, которыя внутри имѣли от-

1) Кн. XI, гл. VII, цар. 2.

дѣленія, судя по величинѣ стеклянныхъ ковчеговъ, и положилъ въ нихъ сіи ковчеги; а въ одной ракъ устроилъ онъ мѣсто для креста и положилъ тутъ крестъ, который сдѣлалъ въ Гіасіѣ величиною въ ростъ человѣка, и котораго одна часть была обложена золотыми дощечками, а другая серебряными. Еще: часть Честнаго Древа была открыта въ Іерусалимѣ; многіе отъ нея отсѣкали (частицы) и брали себѣ. Нектарій и сію часть, по угламъ ея, обложилъ золотомъ и драгоценными камнями, а широту ея покрылъ хрусталемъ, и въ одномъ мѣстѣ сдѣлалъ отверстіе, которое закрывалось и для поклонниковъ открывалось. Сіи и другія священные вещи положилъ онъ внутрь помянутаго большаго креста и установилъ, чтобы во время крестныхъ ходовъ св. мощи священники носили на своихъ рукахъ, а кто понесетъ большой тотъ крестъ, чтобы шель впереди крестнаго хода, — каковое установленіе соблюдается и по нынѣ. Въ храмѣ Воскресенія Христова престоломъ служилъ одинъ небольшой величины и разбитый мраморный камень, иначе сказать: не было престола. Нектарій устроилъ престолъ благолѣпный и на верхней его части, отдѣливъ мѣсто, поставилъ дароносицу съ хлѣбомъ владычнымъ и повѣсилъ предъ нею семь лампъ¹⁾. Досиѣе возобновляетъ виолеемскій храмъ, отстраиваетъ обветшалую лавру св. Саввы, поправляетъ грузинскіе монастыри и т. д. Словомъ каждый патріархъ изъ грековъ по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ старался поддерживать и возобновлять въ св. землѣ все, что пришло въ ветхость и готово было разрушиться.

Сколько трудовъ, хлопотъ, волненій и денежныхъ затратъ требовала всякая даже самая незначительная сама по себѣ поправка и постройка, это хорошо можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Крыша на Виолеемскомъ храмѣ при св. Пещерѣ окончательно сгнила и провалилась, необходимо было построить новую, за что и взялся патріархъ Нектарій. Ему прежде всего нужно было найти человѣка, который бы далъ средства на постройку, такъ какъ своихъ средствъ у патріарха не было. Такой человѣкъ найденъ въ лицѣ Маполака Кастаріона, располагавшаго большими средствами и не разъ уже помогавшаго православнымъ церк-

1) Кн. XII, гл. III, пар. 4

квямъ. Онъ приготовилъ строевой лѣсной матеріалъ на о. Косъ, откуда онъ и былъ перевезенъ въ Ионнію. Послѣ этого Нектарій немедленно началъ хлопотать о полученіи разрѣшенія на постройку у турецкаго правительства. Сначала онъ выхлопоталъ документъ у іерусалимскаго турецкаго судьи, который засвидѣтельствовалъ ветхость зданія и необходимость его ремонта, хотя въ самомъ документѣ судья съ умысломъ или безъ умысла говорилъ „не о крышѣ церкви, а о крышѣ Рождества Христова“ (т. е. самой Пещеры). Съ этимъ свидѣтельствомъ судьи Нектарій отправился въ Константинополь къ визирю, но сколько не просилъ о разрѣшеніи на постройку, тотъ не хотѣлъ и слушать. Начатое дѣло остановилось, тѣмъ болѣе, что самъ визирь отправился въ Критъ, а его намѣстникъ тоже отказалъ въ разрѣшеніи. По неволѣ пришлось прибѣгнуть къ протекціи одного знакомаго и вліятельнаго турка и къ подкупу. Эти средстваподѣйствовали и визирь, возвратившійся изъ Крита, далъ наконецъ разрѣшеніе на постройку. Приступили къ перевозкѣ матеріала изъ Ионніи въ Іерусалимъ. „Легкіе матеріалы, рассказываетъ дѣятельный участникъ въ этомъ дѣлѣ Досиѳей, перевезли мы изъ Ионніи въ Іерусалимъ на верблюдахъ, а съ большими деревьями (балками) не знали, что и дѣлать. Но одинъ бѣдный старичекъ, родомъ изъ Кашпадокіи, по имени Николай, устроилъ двухъ упряжныхъ телѣги; мы купили сорокъ воловъ и, запрягнувъ ихъ въ телѣги, перевезли деревья въ Ремилъ. Я, замѣчаю о себѣ Досиѳей, по многимъ причинамъ былъ при себѣ перевозкѣ всегда впереди“. По встрѣтилъсь новыя почти непреодолимыя затрудненія: дороги были непроходимы для телѣгъ и проѣхать по нимъ оказалось невозможнымъ. Пришлось напередъ сдѣлать проѣздыми самыя дороги, почему и обратились къ содѣйствию окрестнаго сельскаго православнаго населенія. „Бѣдные изъ любви къ благочестію, повѣствуетъ Досиѳей, пришли съ своими орудіями, трудились для насъ нѣсколько дней безвоздно и на своемъ пропитаніи. Холмы они срыли, рвы засыпали и сдѣлали дорогу ровною, и мы, начавъ съ августа, къ декабрю перевезли деревья въ Іерусалимъ, а отсюда, исправивъ дорогу, перевезли ихъ въ Виолесмъ“. Когда изъ Митилены прибыли нанятые тамъ десять человекъ искусныхъ въ строитель-

свѣ рабочиѣхъ, приступили не только къ постройкѣ крыши, но къ капитальному ремонту и всего храма. А такъ какъ ранѣе (до 1636 г.) притворомъ, находящимся съ южной стороны, владѣли франки и тамъ въ теченіи лѣтъ погребали мертвыхъ, то пришлось, при расширеніи построекъ, вынести трупы и перенести ихъ на другое мѣсто, что вызвало много издержекъ и неприяностей, „потому что франки возмущили жителей виолеемскихъ и они возстали противъ насъ, такъ что мы дважды были въ опасности быть отъ нихъ убитыми“. Перестройка храма шла не безъ препятствій. Такъ какъ въ указѣ визиря было сказано о возобновленіи крыши Рождества Христова то къ этому обстоятельству привязался іерусалимскій муфтіи и заявилъ, что мѣсто Рождества Христова есть Пещера и, значитъ, разрѣшено было возобновить крышу только Пещеры, а не всей церкви. Пришлось большою суммою денегъ „преклонить“ муфтія. Но такъ какъ еще предполагалось открыть въ храмѣ ранѣе заложеныя окна, выкрасить стѣны и выстлать полъ церкви, то пришлось снова обратиться за разрѣшеніемъ въ Константинополь къ турецкому правительству. Разрѣшеніе было получено за 800 флоринговъ. Тогда и дамаскій паша прислалъ чиновника, чтобы на мѣстѣ подробно узнать о производившихся постройкахъ. Удовлетворенъ былъ и дамаскій паша. Но и этимъ дѣло не кончилось. Виолеемская церковь, повѣтствуетъ Досиеей, служила прежде общимъ постояннымъ мѣстомъ для проѣзжающихъ сарацынъ, и была въ крайнемъ небреженіи, потому что ни верхній полъ св. Пещеры, ни самый святой алтарь не были обнесены оградой, а потому невѣрные и заѣзжали туда для постоя, и останавливались не только въ церкви, но и въ самомъ святомъ алтарѣ“. Но вотъ, когда церковь была возобновлена и обнесена оградой, то одинъ изъ мѣстныхъ мелкихъ турецкихъ начальниковъ, въ вѣдѣніи котораго находился и Виолеемъ, разъ прѣхавъ сюда, по старой привычкѣ остановился въ церкви близъ самаго иконостаса, подлѣ алтаря, и, не смотря на всѣ просьбы, не хотѣлъ оставить занятаго имъ мѣста. По жалобѣ отцовъ, начальникъ получилъ выговоръ отъ судьи. Тогда франки, рассказываетъ Досиеей, „научили его, какъ отомстить отцамъ, и онъ написалъ турецкому правительству

донесеніе, въ которомъ представилъ, что въ перестроенной церкви стѣснены гробы мусульманъ“. Этотъ доносъ произвелъ надлежащее впечатлѣніе, и визирь поспешно отправилъ въ Іерусалимъ для изслѣдованія на мѣстѣ возникшаго дѣла особаго чиновника, который, вмѣстѣ съ іерусалимскимъ пашею, муфтіемъ и другими чиновниками, осмотрѣвши вновь произведенныя вилеємскія постройки, написалъ донесеніе визирю „наполненное множествомъ лжи“, а съ отцевъ, пригрозивъ разрушеніемъ только что отстроенной церкви, взялъ крупную взятку. Тогда Досиеей, чтобы затушить это дѣло, обратился за содѣйствіемъ къ великому переводчику порты Панагіоту, при посредствѣ котораго хлопоталъ у визиря указъ, за извѣстную сумму, которымъ предписывалось, чтобы на будущее время никто не безнокоилъ церкви вилеємской ¹⁾).

Такимъ образомъ, поправка и возобновленіе изветпавшихъ и развалившихся зданій въ св. мѣстахъ сопряжена была со множествомъ хлопотъ и непріятностей, всегда сопровождавшаяся всевозможными затрудненіями и помѣхамъ и со стороны центральнаго турецкаго правительства, и со стороны всевозможныхъ мѣстныхъ властей, и со стороны иновѣрцевъ-христіанъ, враждебно относившихся къ православнымъ. Чтобы привести дѣло, особенно болѣе крупной и замѣтной постройки къ концу, требовалось отъ патріарховъ очень много энергіи, настойчивости и прямо мужества, чтобы не падать духомъ и не опускать рукъ, когда всевозможныя невзгоды и напасти, иногда совершенно неожиданно, появлялись со всѣхъ сторонъ, и часто грозили уничтожить то дѣло, которое съ такими трудами и усиліями казалось уже совсѣмъ приведено было къ благополучному концу. Но одни хлопоты, энергія и настойчивость сами по себѣ еще ничего не значили, при этомъ пужны были всегда деньги, и деньги очень большія. Деньги пужны были не на возведеніе только самыхъ построекъ, а чтобы задарить всѣхъ тѣхъ, кто могъ помѣшать постройкамъ. Брали обязательно всѣ: и визирь, и папа дамаескій (вѣдѣнію котораго подлежалъ Іерусалимъ), и папа іерусалимскій, и муфтіи іерусалимскій и разныя мелкіе мѣстные чиновники,

¹⁾ Іан. XII, гл. V, пар. 1—5.

изъ которыхъ каждый могъ сдѣлать доносъ и тѣмъ вызвать слѣдствіе, а вмѣстѣ съ этимъ повые нескончаемые расходы съ остановкою всего дѣла. За то какъ велика была радость, когда задуманную востройку удавалось привести къ благополучному концу; тогда забывались все невзгоды, все неслыханныя страхи, неправды и притѣсненія правителей, являлось только чувство радости и удовлетворенія, что святое дѣло благополучно совершилось и притомъ единственно благодаря помощи Божіей, „потому что, замѣчаетъ по этому случаю Досноей, мы не сами собою дѣйствуемъ, а Богъ намъ помогаетъ“. Одно могло въ этомъ случаѣ нѣсколько омрачать чувства радости—это все болѣе увеличивавшіеся долги патриархіи, къ которымъ по необходимости приходилось прибѣгать, чтобы довести начатое дѣло до благополучнаго конца. Но и долги, по крайней мѣрѣ на первое время, забывались.

(Окончаніе статьи).

Н. Кантеревъ.